

ПОЛОТЕНЦЕ

Отца Игнатия перевели служить с северного Казахстана на юг не то, чтобы внезапно, как это бывает, но с определенной в таких случаях неожиданностью. Приказали: «Убыть!»

Ответил: «Есть!» – и убыл. Убыл с Павлодарской области в город Есик, что в переводе на русский означает «Дверь», – евангельское наименование: «Аз есмь дверь овцам!».

Новое место- новые заботы. Так как все было новое, то и обыкновенный вопрос в таких случаях становится непростым и не сразу разрешимым. Порой пустяковый, штатный оказывается сложным и нештатным.

Вот и сейчас вдруг оказалось, что нет вина на Причастие. несколько бутылок еще осталось, но так как приход большой, то его хватит на две-три Литургии. В церкви всегда стоит вопрос о приобретении вина, а тут только прибыл, принял служение и на тебе...

Подсказали знающие отцы: хорошее вино производится в Чимкентской области. Туда, за семьсот километров, отец Игнатий и отправился. Взял с собой отца Артемия, всё-таки дорога длинная, всякое может быть.

Выехали в понедельник ранним утром, еще до восхода солнца. Дорогой с удовольствием беседовали на духовные и мирские житейские темы. Разговор сложился сразу, все шло легко и ладно. Семьсот километров за хорошей беседой как семьсот минут: где помолчишь, где продолжишь, а то и вовсе остановишься, выйдешь, потянешься, присядешь, попьешь чайку. В Казахстане толк в чаях знают, да и не только в чаях.

Но разговор разговором, пусть и при хорошей дороге, а душа все равно в родном приходе. Голова занята бытовыми оргделами: от свечей до кирпичей.

К вечеру добрались до места назначения в Чимкент, в епархию. Отец Игнатий, как лицо ответственное, все рассчитал по часам: приехать, закупить, чуть отдохнуть и убыть.

Пунктуальность задуманного основательно перечеркнул секретарь владыки:

– Вина нет и будет только к концу недели.

Никакие «а если...», «а мы издалека» в расчет не принимались.

Ждать целых четыре дня! Господи, помилуй! Ну и ну... Ноги в Чимкенте, сердце и мысли умчались в Есик. К тому же бесконечные тревожные звонки из храма: нужно то, это... благословите сделать это, а где лежат те вещи?.. А тут ещё гости нагрянули из другого города. Да ещё какие! Отец Игнатий по телефону с другого конца страны полчаса размещал их на приличный ночлег, да наказывал, чем временно занять гостей до его приезда.

Только было успокоился – очередной звонок, как контрольный выстрел: прибыл автовоз из Германии с автомобилем, который подарили православные немцы. Значит, надо быть на таможне.

«Все. Завтра с утра уеду!» – решил батюшка.

Вечер коротали в обществе игумена Вениамина. Его мама преподает русский язык в

семинарии. Она сестра актера, сыгравшего главную роль в фильме «Сердце Бонивура». Их великодушное гостеприимство заметно успокоило и стерло мучительные раздумья. Воспитанная доброжелательная семья - чем не родственные души. Хорошим рассказчиком проявил себя отец Артемий. Не случайно его, как-то засветившегося в Москве после проповеди, патриарх Алексей назвал казахстанским Златоустом и одарил просфорой. Тема беседы была весьма многогранная, но бремя забот, нет-нет, да и раскалывало разум отцу Игнатию, а тревога не давала сосредоточиться. Вдобавок ко всему жалобно и горемычно, словно железом по стеклу, скрипело директорское кресло под величественно-философской позой игумена Вениамина.

Наконец, отец Игнатий не выдержал:

– Позвольте, отче, смазать Ваше кресло?

Имея технарские навыки, отец Игнатий ловко разобрал основание кресла, смазал маслом детали и втулки, при этом изрядно испачкал руки чёрным мазутом от старой застывшей смазки, отчего сразу стал похож на профессионального нефтяника, награждённого первым выбросом из земных недр чёрного золота.

Машинально слушая возвышенный монолог о духовности и культуре, отец Игнатий обречённо озирался по сторонам в поисках хоть какой-нибудь тряпки или ветоши для своих почти по локоть испачканных рук. Прервать разговор двух увлечённых беседой отцов он не решался, но и скатерть марать – тоже не лучший вариант.

Так и сидел грустный нефте-монах в глубоких раздумьях о жизни: о нерастаможенной машине из Германии, о том, где коротать еще три дня, о крайне нужном вине, о гостях и о том, что обратно целых семьсот километров: «О Боже! Милостив буди мне, грешному!».

В момент наивысшего душевного напряжения и уныния во дворе вдруг звякнул звонок. Вошёл сторож:

– Отче, там никого нет, но в почтовый ящик кто-то кинул вот это вафельное полотенце...

Отец Игнатий сразу выпалил:

– Это мне передали! – И стал тщательно вытирать им руки. Почти заканчивая вытирание, у него внезапно случилось озарение, просветлела душа, он словно ощутил, что это реальная Божья забота: «Видишь, Я даже о руках твоих забочусь, а ты о делах своих простых в глубокой печали...».

Удивительно, но в течение нескольких минут отец Игнатий совсем успокоился, даже повеселел. Мысль, что всё в руках Божьих, как-то выровняла его душевное состояние. Все четыре дня он помогал по епархиальному хозяйству и решил немало простых, но нужных дел. К пятнице привезли больше, чем ожидалось, хорошего вина, а секретарь за терпение и помощь щедро отблагодарил, преподнес в подарок большое количество икон. Случилось и другое. В его отсутствие друзья быстро растаможили машину, и гости, нагостившись, уехали, а сам отец Игнатий ко всему прочему прекрасно отдохнул и укрепился в вере.